

Г.С. КУЧЕРЕНКО: ШТРИХИ БИОГРАФИИ

А. В. Гладышев

Ушел из жизни человек. Остались любящие его родственники, друзья, остались ученики, коллеги, которые его хорошо знали, осталась масса людей, которые, как и автор этих строк, не будучи близки, просто были с ним знакомы, встречались, беседовали. Но еще больше и профессиональных, и начинающих историков знают фамилию Кучеренко только по его книгам как одного из ведущих специалистов по утопическому социализму. Осталась фамилия на корешках монографий или над заголовками статей, но, как это иногда бывает, нет ни мемуаров, ни автобиографических заметок, ни дневников, ни записных книжек, ни сколько-нибудь регулярной переписки, по которым мы могли бы даже не реконструировать, а хотя бы набросать портрет историка. Время бежит, воспоминания тускнеют, стираются, деформируются. Потеряв знакомого нам человека физически, мы начинаем терять его эмоционально. Цель этих заметок – хотя бы пунктиром обозначить жизненный путь Геннадия Семеновича Кучеренко, оставить потомкам штрихи воспоминаний хорошо знавших его людей. Основой для очерка, помимо личного дела Г. С. Кучеренко из архива отдела кадров ИВИ РАН, послужили воспоминания его супруги Нонны Федоровны Кучеренко, его коллег (А. В. Гордона, С. Н. Короткова, В. П. Смирнова) и учеников (Н. Ю. Плавинской, А. В. Чудинова)¹. Автор сожалеет, что не смог собрать воспоминания других друзей и близких Г. С. Кучеренко, но надеется, что не все еще для истории потеряно...

Родился Геннадий Кучеренко 23 августа 1932 г. в г. Новороссийске Краснодарского края, как это было принято писать в анкетах, «в семье рабочего». Отец Семен Елисеевич (1908 г.р.), из кубанских казаков, работал слесарем на Новороссийском заводе «Красный двигатель», был начитанным и талантливым самоучкой, рационализатором. Он закончил всего 5 классов, но позднее на заводе моторов под Калининским без всяких ин-

---

¹ Аудиозаписи бесед А. В. Гладышева с Н. Ф. Кучеренко (19 октября 2001 г.), А. В. Гордоном (27 октября), С. Н. Коротковым (26 декабря), В. П. Смирновым (22 октября), Н. Ю. Плавинской (23 октября), А. В. Чудиновым (27 октября) хранятся в личном архиве автора.

струкций собирал и налаживал финские станки. Мать Анна Прокофьевна была домохозяйкой.

Крестила маленького Гену бабушка. Отец, атеист, этого бы не разрешил ни в коем случае. По воспоминаниям Н. Ф. Кучеренко, дед Геннадия Семеновича по отцовской линии был большевиком. Когда во время гражданской войны в Новороссийске в очередной раз сменилась власть (пришли то ли «белые», то ли «зеленые»), Елисея Кучеренко и еще нескольких человек публично казнили на площади: разрубили пополам шашкой на глазах у семьи. После этого отец Геннадия Семеновича всю жизнь заикался. С тех же пор невзлюбил он и черные рясы, поскольку на казни присутствовал священник. «И только уже перед самой смертью, – говорит Н. Ф. Кучеренко, – попросил: «Голубушка, позови *священника*...» Раньше-то у него все «*попы*» были...». Его отпевали с согласия Г.С.

Семен Елисеевич работал разметчиком – самая «интеллигентная» заводская профессия. В годы войны получил орден Трудового Красного знамени. Когда в 1942 г. из Новороссийска эвакуировали заводы, его хотели оставить там как партийца для подпольной работы, но он сильно заикался, поэтому вместе с заводом и семьей попал в Самарканд. Там они сначала жили «подселенцами», потом уже отцу как орденоносцу дали квартиру в «элитном» доме, среди инженеров, главбухов и директоров. Время было голодное, трудное. Семен Елисеевич сделал жене специальный станочек – стали тачать тапочки, а Гена продавал их на базаре. В Самарканде у него появился брат – Валерий, Геннадий тогда учился в 10 классе. Поначалу он хотел быть хирургом, но, когда в 1951 г. закончил с золотой медалью Самаркандскую школу № 32, подал документы на исторический факультет МГУ.

Г.С. всегда с удовольствием, с большой симпатией и теплотой вспоминал о Средней Азии, Самарканде, рассказывал, какие там обычаи, нравы. От той поры у него остались самые светлые воспоминания о годах своего детства и самые верные друзья.

Началась учеба в МГУ. Геннадий Кучеренко был замечен в студенческой компании: он не только хорошо учился, но и неплохо играл на гитаре, пел, танцевал, занимался общественной работой. В бюро ВЛКСМ истфака впервые пересеклись пути трех будущих историков Франции: А. В. Адо, Г. С. Кучеренко, В. П. Смирнова. «Гена был человек очень обстоятельный, очень точный, четкий. Он всегда выполнял поручения, – вспоминает В. П. Смирнов. – Я помню, он пошел к А. В. Адо как к комсомольскому начальству пожаловаться, что там чего-то не выполняется. А Адо его в шутку поддразнил: «Ах, позабыт, позаброшен с молодых юных лет...». Гена был настолько возмущен, что выступил по этому поводу на комсомольском собрании. Вот, мол, как старшекурсники нам плохо помогают...».

Когда в 1953 г. встал вопрос о специализации, Г. С. единственный с курса записался в семинар Б. Ф. Поршнева по истории социалистических учений. Поршневу понравился его довольно сурово и сказал, что для того, чтобы войти в тему и написать курсовую, нужно прочитать как минимум четыре книги на французском языке, а тот учил раньше немецкий. Борис Федорович дал ему четыре месяца. Кучеренко начал заниматься языком и к сроку задание выполнил.

Эта история, которая современным студентам может показаться невероятной, имела несколько неожиданное продолжение. Много лет спустя Г. С. точно так же дал первое задание своему потенциальному аспиранту. Вспоминает А. В. Чудинов: «Весной 1981 г. он мне говорит: «Будете заниматься Французской революцией. Учите французский». – «А какая тема?» – «К сентябрю скажу, пока учите язык и начитывайте литературу». Я же учил до того только английский. В сентябре он меня спрашивает: «Как французский?» – «Тексты читаю». – «Хорошо, занимайтесь Макинтошем». – «А кто это такой?» – «Прочитаете». – «Как хоть его звали?» – «М-м, не помню. Сами найдите». Может быть, он вспомнил урок, данный ему когда-то Б. Ф. Поршневым? Ведь если человек действительно стремится к знаниям... Сам Г. С. знал четыре языка. По-немецки хорошо читал. По-английски и по-итальянски тоже читал, но похуже. Французский же любил и продолжал учить всю жизнь.

Дипломная работа Г.С. была посвящена Сильвену Маршалю. В ней, в частности, доказывалось, что тот находился под сильным влиянием Жана Мелье. Едва ли стоит сейчас вдаваться в тонкости филиации идей и спорить, как там было на самом деле. Отмечу лишь, что здесь отчетливо слышны отголоски идей Поршнева, который находил «неисчерпаемое наследие» Мелье в творчестве едва ли не всех французских мыслителей Века Просвещения². И не Маршалю, о котором у Кучеренко выйдет позднее статья, а именно Мелье станет на годы главным героем его научных интересов.

По окончании университета Г. С. Кучеренко получил рекомендацию в аспирантуру. Однако остаться тогда в Москве не удалось: с распределением было строго. С мая по июнь 1956 г. он еще успел временно поработать младшим научным сотрудником в секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС, а потом отправился по распределению в Самарканд, т.е. по месту жительства родителей. С августа 1956 по октябрь 1958 он работал учителем истории в старших классах школы № 35, а затем – в «родной» школе № 32. Рассказывает его бывший ученик Г. Е. Алексеев: «Помню, как на первом уроке появился он – с зачесанными назад русыми волосами, в белой ковбойке с карманом на груди. Конечно же, мы,

---

² См.: Поршневу Б. Ф. Мелье. М., 1964. С. 218.

азиатские ребята, живущие на окраине и знавшие Москву по фильмам да по рассказам, с интересом рассматривали живого столичного парня... В те времена, как и сейчас, многие считали историю и географию предметами второстепенными... Геннадий Семенович перевернул это в нашем сознании, мы поняли, что во многом отношение к предмету зависит от преподавателя. Он не смотрел в конспекты, свободно перемещался по классу, обращался к схемам, рассказывал так, будто сам был участником тех событий... Мы слушали, как замороженные, и практически с первых уроков не только девочки, но и мальчишки были влюблены в него. ...Он обладал каким-то магнетизмом, и мы тянулись к нему. Вскоре мы почувствовали, что короткого общения на уроках не хватает... По выходным вместе гуляли в парке. ...Летом, когда наступали каникулы, мы могли больше времени проводить вместе. Водохранилище в загородной зоне Самарканда было нашим излюбленным местом отдыха, здесь мы купались, загорали, рыбачили, бывали в горах, на раскопках древнего города...

Сейчас, много лет спустя, могу сказать, что очень повезло мне и тем ученикам, которые в те два года имели счастье видеть и слышать Геннадия Семеновича... В Узбекистане Учителя называют «Маолим». Это имя очень уважаемо. Г.С. был наш «Маолим».

Одновременно с преподаванием в школе Г.С. работал почасовиком на кафедре всеобщей истории Самаркандского университета. В 1957 г. его избрали председателем секции преподавателей истории школ г. Самарканда³. Когда ему было 25 лет, он перенес неудачную операцию и чуть не умер от перитонита. Врачи зафиксировали клиническую смерть. Н. Ф. Кучеренко: «Гена очень сильно похудел, и все самаркандские знакомые называли его князем Мышкиным (тогда этот фильм шел в кинотеатрах)».

В Москву он вернулся в 1958 г., поступив в аспирантуру Института истории АН СССР. Научный руководитель тот же – Б. Ф. Поршнев. Обосноваться в Москве было непросто. Требовалась прописка, а чтобы ее получить нужно было ходатайство на уровне вице-президента АН СССР. Помогли решить этот вопрос М. В. Нечкина и В. П. Волгин.

Утвердили тему кандидатской диссертации – «Роль Жана Мелье в развитии атеистической и социалистической мысли Франции XVIII в.» Уже через месяц после зачисления в аспирантуру Г. С. Кучеренко стал ученым секретарем группы по изучению истории социалистических идей, а с марта 1959 г. – членом редколлегии и ответственным секретарем сборника «История социалистических учений». Одновременно он продолжал работу на заочном отделении Самаркандского университета.

---

³ На склоне жизни эта тема парадоксальным образом вновь возникает в его судьбе. По воспоминаниям Н. Ю. Плавинской, Г.С. вместе Кириллом Митрофановым разрабатывал идею создания неформальной ассоциации историков-педагогов.

В июне 1959 г. Кучеренко приняли в КПСС. Как было заведено, его назначили еще и внештатным лектором райкома КПСС по вопросам внешней политики. Чуть позже, в 1965–66 гг., Г.С. станет руководителем теоретического семинара на II Государственном подшипниковом заводе и даже будет награжден почетной грамотой и памятным подарком от парткома завода. Тогда существовала целая сеть партийного просвещения различного уровня: для начального – кружки, для более высокого – лекции, для высшего – теоретические семинары. Не только Г.С., но и очень многие другие историки и обществоведы, члены КПСС, несли эту общественную нагрузку. В. П. Смирнов: «Что уж обсуждалось и дискутировалось на таких теоретических семинарах – это как кому Бог на душу положит».

Г. С. Кучеренко был из тех людей, кто мог легко говорить и с академиком, и с уборщицей. Завязались у него добрые отношения и со многими партийными работниками. С другой стороны, он часто общался в Ленинке с вернувшимися из лагерей и ссылок репрессированными.

После окончания аспирантуры его приняли с октября 1961 г. младшим научным сотрудником в сектор новой истории западноевропейских стран.

26 марта 1962 г. Г.С. познакомился в читальном зале Отдела редких книг «Ленинки» с Нонной Федоровной Зубовой, которая работала здесь с 1952 г., а 26 марта 1963 г. они поженились. На свадьбу вместе с матерью Г.С. приехал брат Валерий (младше его на 14 лет). Молодожены оставили его в Москве. Он учился в 6-м классе. Жили все вместе в семиметровой комнате в общежитии аспирантов АН. Отдельная квартира у них появилась лишь в 1966 г. Закончил Валерий 8 классов, решил поступать в техникум. Нашли такой, где учащимся предоставлялось место в общежитии. Целое лето Г.С., как только появлялась возможность, уводил брата в какой-нибудь парк, и там они занимались математикой, физикой. Он был очень привязан к брату, к родителям. Кучеренко сами жили еще в общежитии, а Г.С. мечтал перевезти родителей поближе к Москве. В конце концов это удалось, и те переехали под Калинин (ныне – Тверь). Ежеженедельно Г.С. с женой и братом навещали родителей. Для него вообще были очень важны семейные ценности.

За бесчисленными семейными хлопотами защита диссертации все откладывалась. Научный руководитель выражал недовольство медлительностью ученика. По воспоминаниям А. В. Гордона, Поршневу считал, что Г.С. «излишне робок, чего-то там не схватывает... Гена был в каком-то смысле противоположностью Борису Федоровичу, который любил схватить, так схватить. Невероятный полет фантазии. Всю Европу, например... Или пришло ему в голову, что Морелли это на самом деле – Дидро! И все. Гена, наоборот, шел от фактов, был сторонником кропотливой проработки деталей». Наконец, в апреле 1964 г. прошла предзащита, а сразу после нее Г.С. уехал во Францию на полгода стажироваться.

Вспоминает Нонна Федоровна: «Мы продолжали видеться с Борисом Федоровичем, он меня приглашал к себе. Прихожу как-то. Изольда Мейеровна, его жена, угостила чаем. Перед самым уходом, в прихожей, он мне передает книжку и говорит: «Будет возможность – перешлите Геннадию». Смотрю, а книга называется «Мелье». Я: «Борис Федорович, а как же Геннадий Семенович? Ведь он тоже об этом пишет» – «Ничего. Защитится... Любимое дитя больнее бьют». Эта книга была издана в серии ЖЗЛ. Борис Федорович на полученный за нее гонорар построил себе дачу в Пахре. Позже он пригласил на эту дачу супругов Кучеренко: «Вот, Геночка, на костях нашего Мелье...». Г.С. оставался в хороших отношениях со своим учителем до конца его дней. В 1972 г. за несколько часов до смерти Поршнева позвонил Г.С., пожелал закончить книгу, хорошо защитить докторскую.

В. П. Смирнов рассказывает: когда в 90-е годы Кучеренко вернулся из Франции после окончания работы в ЮНЕСКО, у них неоднократно заходил разговор о том, что надо бы что-нибудь написать о Б. Ф. Поршневе: «Я ему говорил, что кроме тебя о нем писать некому, ты – любимый ученик. И он соглашался: «Брошу вот это, доделаю это и тогда напишу». Но так и не написал, только составил библиографию». Почему? Геннадий Семенович всегда ощущал себя учеником Поршнева и не упускал случая с благодарностью упомянуть его имя, даже если это и вызывало не слишком доброжелательную реакцию аудитории, как, например, в 1984 г. на ленинградской конференции, посвященной Дидро. Тем не менее, «он считал, что писать о Поршневе однозначно нельзя. Слишком разным был этот человек. Писать о нем только хорошее – значит врать, а писать о нем плохое – пусть, говорил, пишут другие» (Н. Ю. Плавинская).

22 марта 1963 года приказом академика В. М. Хвостова, директора Института истории, Г. С. Кучеренко был откомандирован для работы в Комиссию по изданию дипломатических документов МИД СССР. Его обязанности состояли в выявлении, подготовке к печати и комментировании документов для издания «Внешняя политика России XIX и начала XX века». В 3-м томе его комментарии составили около 3 п.л.

Как уже было сказано, в 1964 г. состоялась его первая командировка за границу для сбора материалов о народных движениях во Франции первой половины XVIII в. «Еще с конца 50-х годов, – рассказывает В. П. Смирнов, – начались разговоры о том, что надо бы посылать аспирантов и студентов за границу. Некоторых из нас даже начали в этой связи вызывать в разные инстанции. Проводились душевительные беседы на тему о том, как хорошо поехать за границу с научной целью. Никто, разумеется, не возражал... Сейчас это трудно вообразить себе, но тогда это была многоступенчатая процедура. Сначала вызывали в партком, потом в райком, потом в горком, потом по министерской линии, одновременно проверяли по учебной линии: от декана до проректора...». Среди прочих кандидатов на стажировку за границей подобную процедуру проходил и Г.С. «Я хорошо

помню, – говорит В. П. Смирнов, – что он уже нацелился ехать и даже купил себе шляпу. У нас тогда шляпы мало кто носил, но предполагалось, что за границей их все носят. Когда Гена появился в шляпе, это был признак того, что уже вот-вот». Но сначала, в 1962 г., отбыл во Францию А. В. Адо, в 1962–63 гг. одновременно отправились за границу два американца – Е. Ф. Язьков и И. П. Дементьев. В 1963–64 гг. на стажировку в Париж уехал В. П. Смирнов и лишь весной 1964 г. там, наконец, появился и Кучеренко. Позднее Адо как-то сказал по поводу этих заграничных стажировок: «Мы выиграли сто тысяч на трамвайный билет».

Вернулся Г.С. из Франции в октябре 1964 г. Год спустя 17 октября родилась дочь Елена. 16 декабря 1965 г. состоялась защита кандидатской диссертации, которая позднее легла в основу его первой монографии, вышедшей три года спустя под редакцией и с предисловием Б. Ф. Поршнева⁴.

С мая 1965 г. по март 1969 г. Г. С. Кучеренко был откомандирован для работы в редакции журнала «Новая и новейшая история». Сначала он выполнял обязанности заведующего отделом стран Западной Европы, а в октябре 1966 г. Бюро Отделения истории АН СССР утвердило его ответственным секретарем редколлегии журнала. В редакции журнала Г.С. познакомился и сблизился с академиком А. Л. Нарочницким, который был тогда главным редактором. С этого времени жизненные пути Нарочницкого и Кучеренко часто пересекались.

В материальном отношении было весьма сложно. Кооперативную квартиру строили в долг. Приходилось подрабатывать. С 1966 г. Г.С. начал по совместительству преподавать в МГПИ им. В. И. Ленина сначала как почасовик, а с 1967 г. – на полставки старшего преподавателя по кафедре новой и новейшей истории. Потом он стал здесь же доцентом на полставки, а со временем и профессором. Надо сказать, что тогда было очень трудно получить разрешение на совместительство: для этого требовалась санкция не только дирекции Института, но и Президиума АН СССР. Причем, такие разрешения испрашивать приходилось каждый год. Именно А.Л. Нарочницкий, который сам работал в МГПИ, ходатайствовал за Г.С. В МГПИ Кучеренко читал лекции по новой истории и по историографии новой и новейшей истории, а также – спецкурсы, вел спецсеминар по истории общественной мысли, руководил методологическим семинаром аспирантов кафедры, кроме того, он еще преподавал на факультетах повышения квалификации при МГПИ и МГУ.

Чета Кучеренко бывала у Нарочницких и дома, и на даче. Вспоминает Нонна Федоровна: «Алексей Леонтьевич встречал нас как хлебосольный хозяин, милый обаятельный человек». Слухов о «дружбе» Г.С. с академиком ходило много. Рассказывает В. П. Смирнов: «Для характеристики от-

---

⁴ Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968.

ношений Кучеренко и Нарочницкого слово «друг» не подходит. Это были хорошие, но деловые отношения, лояльное сотрудничество. Нарочницкий вообще был человеком несколько надменным, высокомерным. Гена для него был подающий большие надежды, но еще очень молодой человек. Куда более близкие отношения связывали Кучеренко с Адо. Но и это, я думаю, нельзя назвать близкой дружбой. Скорее приятельские отношения».

А. Л. Нарочницкого в Академии наук многие недолюбливали. Связь с ним сослужила Г.С. не только хорошую службу. Когда Кучеренко уже стал доктором наук, ему начали советовать подавать документы на членкор АН. «Он долго отмалчивался, все-таки подал, но дошел только до второго тура. Потом ему в кулуарах Института сказали: перестань дружить с Нарочницким, тогда и будешь членкором» (Н. Ф. Кучеренко).

В 1967 г. Г.С. участвовал в конкурсе на должность старшего научного сотрудника. Но 6 июня на заседании секции по всеобщей истории Ученого совета Института, председателем которой был тогда А. З. Манфред, за него было подано всего 5 голосов, против – 12; два бюллетеня для голосования признаны недействительными. Тем не менее, с февраля 1968 г. Г. С. Кучеренко – исполняющий обязанности с.н.с., а в октябре 1969 он уже единогласно избирается на эту должность Ученым советом Института всеобщей истории АН СССР.⁵ С января 1973 г. он – исполняющий обязанности, а с апреля того же года – заведующий сектором истории развития общественной мысли. В этой должности он останется до злополучной командировки во Францию 1976 г.

Заведующим сектором он стал вполне логично. Сектор создали под Б. Ф. Поршнева, который был уже в достаточно пожилом возрасте. Однако всю организационную работу фактически вел Г.С., который после смерти Поршнева официально и возглавил сектор. Скоро Г. С. Кучеренко стал секретарем парторганизации ИВИ АН СССР. Казалось, впереди у него самые радужные перспективы.

Сферу его научных интересов в то время можно представить следующим образом: история Франции, история общественной мысли и культуры Западной Европы в новое время, история утопического социализма. В свое время Б. Ф. Поршнев настойчиво подталкивал его к изучению утопистов XVIII в. Среди них особенно привлекала Кучеренко фигура Мабли. Он собрал обширную картотеку изданий об этом мыслителе. По воспоминаниям А. В. Чудинова, «когда Г.С. еще только уезжал на работу в ЮНЕСКО, то говорил, что мечтает написать две книжки – о Мабли и о Сен-Симоне». Интересно, что последняя прижизненная публикация Г.С. – небольшая за-

---

⁵ Таким образом, с 1961 по 1968 гг. он работал в Институте истории, а с октября 1968 г. – в отделившемся от того Институте всеобщей АН СССР.

метка для вышедшей в электронной форме «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия» – была посвящена именно Мабли. Но в начале 70-х Г.С. предпочел ему сен-симонистов. Как вспоминает, правда с некоторой долей неуверенности, А. В. Гордон, Кучеренко говорил, что Сен-Симон привлек его теорией конвергенции. «И второе, что он сказал в этой связи: «Насколько они [социалисты-утописты – А.Г.] отстают от христианского социализма! Совершенно другой масштаб мышления. Утописты XIX века это..., – не помню, как он выразился..., – «дилетанты» что ли? Нет глубины традиции, нет такой отточенности мысли». То есть преклонения, в отличие от Бориса Федоровича, у него перед социалистами-утопистами не было».

Весной 1975 г. вышла монография Г. С. Кучеренко «Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.», в октябре он защитил докторскую диссертацию на эту тему. В том же году награжден медалью «За трудовую доблесть». Это был самый плодотворный период в его творческой биографии. За 1974–1981 гг. он опубликовал 3 монографии и 20 статей, общим объемом около 80 п.л., вместе с сотрудниками сектора подготовил издание пятитомного собрания сочинений В. П. Волгина (1975–1979) и двух выпусков сборника «История социалистических учений» (1976 и 1977), участвовал в публикации литературного наследия Б. Ф. Поршнева и неизданных трудов Е. В. Тарле⁶. В серии «Предшественники научного социализма» при его участии вышли работы А. И. Герцена и Т. Мора⁷. Много ездил в научные командировки, принимал участие в конференциях в Смоленске, Калинин, Грозном, Воронеже, Томске. В июне-июле 1971 г. – научная командировка во Францию, в июне 1973 г. – «научный туризм»⁸ в Англию, в ноябре 1974 г. – научная командировка во Францию на коллоквиум по Ж. Мелье в Реймсе. В июле 1975 г. – поездка в США, где две недели «научного туризма» предназначались для участия в работе XIV Международного Конгресса исторических наук в Сан-Франциско. В конце мая – начале июня 1976 г. – командировка во Францию на 10 дней в составе делегации АН СССР для участия в VII советско-французской конференции историков...

---

⁶ Когда он писал о Тарле заметку по поводу его юбилея, А. Э. Штекли над ним подтрунивал: «Что, памятки чистишь?» (Н. Ф. Кучеренко)

⁷ Полную библиографию работ Г. С. Кучеренко и вышедших под его редакцией изданий см.: Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сб. памяти Г. С. Кучеренко. М., 2001. С. 362–369.

⁸ В. П. Смирнов: «Это означало – ты не член делегации, тебя не финансируют, ты едешь за свои деньги, но выступаешь с докладом. Вот это и было «научным туризмом»... Причем, это было не просто так, этого надо было добиваться, надо было, чтобы университет ходатайствовал, чтобы такой-то был включен в состав научных туристов за свой счет. Так что это была большая привилегия».

Когда в 60-70-е годы в отечественной историографии развернулась острая полемика о якобинской диктатуре между В. Г. Ревуненковым и А. З. Манфредом, Геннадием Семеновичу, который занимался сюжетами, тесно связанными с историей Французской революции, оказалось весьма непросто остаться в стороне от дискуссии. А. В. Чудинов: «Он всегда избегал острых идеологических проблем в интерпретации Революции... Он понимал, какое значение придается этой теме, но сам очень критически относился к привнесению идеологии в исторические исследования».

Как вспоминает А. В. Гордон, Кучеренко очень не хотел, чтобы его втравливали в дискуссию между Ревуненковым и Манфредом. Ссылался на то, что он – не специалист по Французской революции. На симпозиум 1970 г. все же пришел, но выступать не стал. Когда же А. В. Гордону поручили написать заметку об этом симпозиуме, Г.С. ему сказал: «Что бы ты не написал – все будут недовольны». Одна из его характернейших черт, даже принцип – то, что он максимально старался не «ввязываться». Когда в 1985 г. на конференции молодых ученых в Ленинграде Ревуненков странно критиковал «московскую школу», Кучеренко сидел в президиуме и не проронил ни слова в ответ.

И даже в 1995 г., когда А. В. Чудинов предложил провести на третий день конференции Общества по изучению XVIII в. «круглый стол», посвященный 25-летию симпозиума 1970 года о якобинской диктатуре⁹, Г.С. сначала согласился вести этот «круглый стол», но потом передумал и отказался. Вспоминает А. В. Гордон: «Позвонил я ему. Он говорит: «Ну, чем вы будете заниматься? Будете ругать всех? Зачем ворошить прошлое?» То есть он дал понять, что не хочет вступать в эти *debats-combats*».

Более того, рассказывает приехавший тогда на «круглый стол» из Петербурга С. Н. Коротков, Г.С. попросил его «не очень ругать стариков, имелись в виду А. З. Манфред и В. М. Далин... Конечно, какой-то шлейф условного конфликта между «московской» и «петербургской» школами еще оставался. Даже у меня еще была какая-то настороженность... Но Кучеренко еще в преддверии 200-летнего юбилея Французской революции проложил дорогу в Ленинград. Ведь долгое время не было практически вообще никаких прямых контактов. Он встречался здесь с В. Г. Ревуненковым. То есть он способствовал сближению, примирению, диалогу двух школ».

Но вернемся опять к 70-м. 19 июля 1976 г. появился приказ по ИВИ АН СССР № 110:

---

⁹ См.: Якобинство в исторических итогах Великой французской революции («круглый стол») // Новая и новейшая история. 1996. № 5.

«Довожу до сведения сотрудников Института Распоряжение Президиума АН СССР от 29 июня 1976 № 10107-1004 о наложении взыскания на доктора исторических наук Кучеренко Г. С.»

«14 мая 1976 г. во Францию сроком на 10 дней вылетел в составе делегации АН СССР зав. сектором ИВИ АН д.и.н. Кучеренко Геннадий Семенович для участия в VII встрече французских и советских историков.

В Париже Кучеренко Г. С. дезинформировал ответственного сотрудника Совпосольства, а также руководителя советской делегации вице-президента АН Армянской ССР академика АН Армянской ССР Иоаннисяна А. Р. ссылкой на, якобы, имеющееся у него согласие директора Института всеобщей истории АН СССР академика Жукова Е. М. задержаться в Париже и не выехал в СССР вместе с членами советской делегации.

4 июня 1976 г. Кучеренко Г. С. вернулся в СССР после 11-дневного пребывания во Франции сверх установленного срока.

За превышение срока пребывания за границей объявить Кучеренко Г. С. выговор.

Руководству ИВИ АН СССР обратить внимание на более тщательный подбор ученых, рекомендуемых в загранкомандировки».

Директор Института

Академик Е. М. Жуков».

Сейчас, возможно, трудно понять всю тяжесть подобного обвинения. В лагерь, конечно, уже не ссылали как шпионов иностранных разведок, но термин «невозвращенец» еще пугал ответственных работников разных рангов. С опозданием, но вернулся, или вернулся, но с опозданием!? И, что это там за подозрительные и ненужные инициативы? Дело винтика в машине – вертеться, а не высовываться. И не важно, что ты не нарушил ни одного из писанных правил. Попасть под колесо государственной машины можно было и на ровном месте. Через это тогда прошли многие. Чаша сия не миновала и Г. С. Кучеренко. Такое уж было время.

Произошедшее было для Г.С. полной неожиданностью. Как приехал, пошел сразу в Институт. Идет по коридору, а на доске объявлений приказ: «По собственному желанию освободить от занимаемой должности Г. С. Кучеренко». Он направляется в дирекцию, и там его просят написать заявление (хотя приказ уже висит). Он написал. По воспоминаниям жены, «когда вернулся из Института, лег на маленький диванчик, скорчился и все повторял: «Нонка, за что же меня? Ведь, они, наверное, меня уволят. Что же мы будем делать?...» До этого он носил 52 размер, а тут за какие-то три месяца похудел на 17 кг».

А дело было так. Сразу по возвращении делегации из Франции на стол директору ИВИ академику Е. М. Жукову легла докладная заведующей отдела кадров В. А. Захаровой, в которой сообщалось, что вернувшиеся 24 мая сего года сотрудники Института – А. З. Манфред, А. О. Чубарьян, З. С. Белоусова, И. И. Сиволап, М. Н. Соколова не оформили свои командировки, а тов. Кучеренко Г. С. вообще «остался во Франции по неизвестным причинам и на неизвестный срок». Зав. отделом кадров по-своему

права: «Нахождение в рабочее время вне Института без должного оформления является нарушением трудовой дисциплины». На этой докладной директор Института ставит свою резолюцию: «Обязать всех сотрудников, выезжающих за рубеж, оформлять свой отъезд через отдел кадров. У с.н.с. Кучеренко Г. С. запросить объяснение. 2 июня 1976 г. Жуков».

Появилась и объяснительная:

*«Директору ИВИ АН СССР академику
Жукову Евгению Михайловичу
д.и.н. зав. сект. ист. общ. мысли
Кучеренко Г.С.*

Объяснительная записка

14 мая с.г. в составе делегации советских историков, возглавляемой вице-президентом АН АрССР А. Р. Иоаннисяном, я прибыл во Францию для участия в работе франко-советского коллоквиума. Срок моей командировки истекал 24 мая.

В первый же день по приезде во Францию, я был принят послом СССР С. В. Червоненко и его супругой Л. С. Червоненко¹⁰. В ходе беседы мне было предложено остаться после окончания коллоквиума на некоторое время в Париже для работы в научной библиотеке. От имени посла Л. С. Червоненко спросила мнение на этот счет главы делегации А. Р. Иоаннисяна и Д. В. Кузнецова. Они не возражали против продления моего пребывания во Франции после 24 мая.

24 мая с.г. я написал, а 25 мая отправил письмо об обстоятельствах и условиях моего пребывания в Париже Ученому секретарю по международным связям С. Агияну, а также заявление на Ваше имя о предоставлении мне отгула за счет неиспользованных дней отпуска 1974–1975 гг.

За несколько дней до отъезда из Москвы при обсуждении с Вами дел, связанных с работой сектора, в частности о целесообразности издания «Очерков истории социалистических учений» отдельными книгами, я спросил Вас, как мне себя вести, если в посольстве СССР во Франции мне будет предложено продлить на некоторое время пребывание в Париже после 24 мая. Вы ответили, что такие случаи бывают и что посольство согласовывает их в соответствии с существующими правилами.

Вернулся я в Москву 4 июня с.г. 7 июня по предложению работника УВС АН СССР Ю. Н. Чудинова написал объяснение на имя вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева об обстоятельствах моей задержки во Франции. К объяснительной записке я приложил мое заявление от 14 мая на имя Чрезвычайного и Полномочного посла СССР во Франции С. В. Червоненко с просьбой о продлении моего пребывания в Париже с его резолюцией от 18 мая: «Разрешаю».

С 24 мая по 3 июня с 9 часов до 20 часов я работал в Национальной библиотеке Франции. Собранные материалы будут чрезвычайно полезны для написания основного объекта пятилетнего плана сектора, коллективного труда «Очерки истории утопического социализма в странах Западной Европы и Америки»

7 июня 1976

Г. Кучеренко

---

¹⁰ Жена С. В. Червоненко – Людмила Сергеевна Чиколини, доктор исторических наук, видный специалист по общественной мысли итальянского Возрождения. В 80-е годы возглавляла сектор истории общественной мысли ИВИ.

Рассказывает Н. Ф. Кучеренко: «Что я тогда сделала, ни слова не говоря об этом Геннадию. Я позвонила домой академику Е. М. Жукову и спрашиваю: «За что же так с Геннадием Семеновичем?» Он отвечает: «Я сам не разобрался, но так надо было». И повесил трубку».

Так, никто толком и не смог объяснить истинные причины происшедшего. Разумеется, инициатива в раздувании этой истории принадлежала не «бдительной» заведующей отделом кадров Института. Решение принималось где-то на гораздо более высоком уровне, ведь должность заведующего сектором ИВИ была номенклатурой ЦК КПСС. Но где и кем, Г.С. так и не узнал. Н. Ф. Кучеренко: «Иногда он сам себе это объяснял тем, что «высунулся». А, иногда, ночью вдруг проснешься, а он не спит, переживает: «Ну, за что же меня так несправедливо?! Я даже не знаю – за что!». Действительно, он же получил формальное разрешение от главы делегации, никто ведь не сказал: «Нельзя!» Он рассматривал предложение С. В. Червоненко (и, судя по объяснительной Жукову, такого предложения ожидал) как удачный шанс. Н. Ю. Плавинская: «Он воспринял предложение С. В. Червоненко задержаться во Франции как жест со стороны посла к человеку, которого он знает не только как простого члена делегации, но и как ученого, который работает вместе с Людмилой Сергеевной Чиколини. Он ничего в этом особо криминального не видел... Вообще-то он про эту историю вспоминать не любил. У него осталось сложное отношение к Е. М. Жукову. Г.С. не мог не то, что бы простить (человек он был достаточно отходчивый), он не мог понять, ради чего такое было с ним проделано».

Его утешали: ничего страшного – через год выговор снимут. Н. Ф. Кучеренко: «Ему многие звонили, старались по-дружески поддержать. Говорили: «Жив. Из партии не выгнали. С работы совсем не сняли. Теперь уже не уволят». Распоряжением Президиума АН СССР № 10107-1048 от 28 июня 1977 г. за подписью вице-президента П. Н. Федосеева «в связи с тем, что д.и.н. Кучеренко Г. С. с момента объявления выговора проявил себя добросовестным работником, активно способствовавшим выполнению плана научно-исследовательских работ Института», наложенное взыскание было снято. Выговор снят, но ссадина в душе осталась. Из депрессии помогли выйти близкие и друзья, особенно В. А. Дунаевский. Н. Ф. Кучеренко: «Это такой друг! Необыкновенный. Он его возил за собой по конференциям по всей стране, настраивал на работу. У них завязалась книжка. Работа и спасла Геннадия Семеновича».

В августе 1980 г. Г. С. Кучеренко участвует в международном конгрессе исторических наук в Бухаресте, а ноябрь того же года у него – научная командировка во Францию. В 1981 г. увидела свет его книга – «Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI – XIX вв.» В

том же 1981 г. вышла в соавторстве с Дунаевским книга «Советские историки о западноевропейском утопическом социализме».

23 августа 1982 г. ему исполнилось 50 лет. Без торжеств и банкетов, даже без официальной благодарности дирекция ИВИ его «сердечно поздравляет с юбилеем, желает здоровья и больших творческих успехов».

В первой половине 80-х годов он так определяет круг своих научных интересов: Историография утопического социализма и внешняя политика России в начале XIX в. На практике, конечно, эта сфера шире.

В 1983 г. он принимает участие в работе советско-французского коллоквиума историков в Париже, где делает доклад на тему: «Деятели культуры России о Сен-Симоне и сен-симонистах». В том же году на I Международном конгрессе по историографии в Монпелье он выступает на тему: «Русская школа» исследований по всеобщей истории». В 1985 г. на Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте звучит его доклад «Макс Вебер и буржуазные альтернативы марксизму». Здесь же он делает сообщение «Просвещение, Великая Французская революция и русское общество». В том же 1985 г. на I коллоквиуме историков СССР и Австрии «Россия и Австрия во времена наполеоновских войн» он рассказывает о публикациях документов по русско-австрийским отношениям в наполеоновскую эпоху.

В связи с предстоящим 200-летним юбилеем Французской революции приказом по ИВИ от 2 декабря 1982 г. была создана межсекторская группа по истории Французской революции конца XVIII в., которая в январе 1984 г. приобрела статус структурного подразделения Института. В нее вошли д.и.н. Г. С. Кучеренко (руководитель), д.и.н. В. М. Далин, к.и.н. Г. С. Черткова, к.и.н. Е. В. Киселева и аспиранты В. А. Темкин, И. Б. Берго, С. Я. Карп, Н. Ю. Плавинская. «Тогда сложились два ведущих центра по изучению истории Революции. Один в ИВИ во главе с Г. С. Кучеренко, другой в МГУ во главе с А. В. Адо. Причем, эти центры не конкурировали, а тесно взаимодействовали и в чем-то дополняли друг друга. У А. В. Адо приоритет отдавался социальной истории, у Г. С. Кучеренко – истории общественной мысли» (А. В. Чудинов).

Г.С. был настроен очень оптимистично, говорил, что перспективы огромные, делился планами со своими коллегами и учениками. Вспоминает А. В. Чудинов: «Как-то раз Геннадий Семенович пришел к нам на спецсеминар в приподнятом настроении и стал рассказывать, как накануне делал доклад на Ученом совете ИВИ. Надо было, говорит, начальство чем-то задеть, пронять, чтобы поняло, как важно изучать Французскую революцию. Искал, искал ключевое слово – нашлось: «напугать». И вот он на Ученом совете начал описывать, как «нехорошие» историки-«ревизионисты» пытаются заклевать марксистов с их подходом к Революции. Наша, мол, задача – изучать Революцию, чтобы встретить «ревизионистов» во всеору-

жии. Директор Института З. В. Удальцова прямо, говорит, побледнела. Страшно. «Ревизионисты» насаждают со всех сторон, а мы тут ни сном, ни духом! Напугал-таки».

Насколько важным и значимым было для Г.С. руководство и работа в этой Группе, свидетельствуют его письма А. В. Чудинову, проходившему тогда срочную службу в армии. Поскольку эти письма характеризуют также его систему ценностей, отношение к людям, приведу их полностью.

Москва, 18 февраля 1985 г.

Дорогой Саша!

Очень рад получить Ваше письмо. Надеюсь, за истекший месяц Вы еще больше притерлись к солдатской жизни и, во всяком случае, больше вы не болеете. Остальное – пойдет на пользу. Еще больше заматереете и станете еще больше ценить то, что оставлено «на гражданке» – семью, дом, близких, любимое дело, большую или меньшую возможность быть кошкой, которая гуляет сама по себе. А пока, служите солдат.

К апрелю мы должны подготовить сборник статей аспирантов и молодых ученых¹¹. Потом он будет, видимо, издан, а, значит, увидит свет Ваш первый труд.

Что касается чтения, не очень трепыхайтесь по этому поводу. Приглядывайтесь к людям. Поговорите с ними о том, о сем, не возносясь при этом. Вы начнете получать ту бесценную информацию, которая называется ненаучный опыт. Без чего, как и без специальных знаний, не может быть хорошего историка. Знания дают материал, все прожитое и пережитое – нерв творчеству.

У меня же по-старому. Много, лучше сказать подолгу каждодневно, работаю. Чувствую себя сносно. Иногда кажется, что все еще могу. Чаще, так или иначе, понимаю, что большая часть жизни прожита.

Привет Вам от моего семейства и всех наших.

Обнимаю Вас и желаю

всяческого добра

Ваш Кучеренко»¹²

«Москва, 6 мая 1985 г.

Дорогой Саша, получил два Ваших письма. На первое ответил, теперь отвечаю на второе.

Дела наши потихоньку движутся. Дали нам отдельную комнату (27). Повесили табличку. Словом живем если и не очень зажиточно, то вполне пристойно. Недавно вывозил молодежь – и институтскую, и университетскую – на конференцию в Ленинград. Обсуждали тему «Историография Великой Французской революции». На днях Черткова, Пименова, Адо, Карп и я отправляемся в Одессу, на конференцию памяти Добролюбского. Как видите, штандарты подняты, и начались всяческие передвижения. Аспирантский сборник утвержден на Ученом совете. Сейчас перечитываем набело. Скоро отдадим на ксерокс. Там и Ваша статья.

Как Ваши дела?

---

¹¹ Из истории буржуазных революций нового времени. М.: ИВИ, 1985.

¹² Из личного архива А. В. Чудинова.

Я недавно снова лежал в больнице по поводу язвы. Сейчас стало легче. Привет Вам от Н.Ф. и Лены¹³. Поздравляем Вас с днем Победы и желаем всяческого добра. Пишите.

Искренне Ваш Кучеренко¹⁴

Про отдельную комнату Г.С. упомянул не случайно. «Ту, что была раньше, приходилось делить с «Германским ежегодником». По присутственным дням там с утра заседала Группа по изучению Французской революции, после обеда – редколлегия ежегодника. Эту комнатку кто-то даже назвал «Эльзасом»: то к немцам переходит, то к французам» (А. В. Чудинов).

Г.С. руководил аспирантами Н. Ю. Плавинской, С. Я. Карпом, А. В. Чудиновым, И. Н. Кузнецовым, Д. А. Ростиславлевым, И. Н. Розановой, Г. В. Аксеновой и докторантом В.А. Гавриличевым. Стиль его работы с аспирантами, по выражению Н. Ю. Плавинской, – «отпустить в свободное плавание»: «Сначала он рассказал мне о своем видении проблемы «Идеи Монтескье в годы Французской революции», оговорился, что «этой темы Вам хватит на всю жизнь». Затем успокоил: «Не думайте, что Вы сразу начнете делать научные открытия, эта работа – квалификационная» и отпустил, как говорится, «в свободное плавание». Он дал небольшие, очень приблизительные наметки, подсказал кое-что по библиографии и велел искать источники, на основе которых и можно было бы анализировать идеи Монтескье в годы Революции: «Ищите, где-то все должно быть». Другое дело, что он очень много и «плотно» работал уже с готовыми текстами. «Замечания писал всегда с юмором и не обидно. Он очень внимательно относился к стилю, следил, чтобы не было реферативности, повторов. Нас тогда страшно мучили работами В. И. Ленина, – рассказывает А. В. Чудинов, – и там я подхватил словечко «суть» как синоним «есть». Слово «запало», и я его где-то у себя в курсовой использовал. Внимательный редактор, Геннадий Семенович интересуется: «Что это за *суть*? Где вы такое видели – *с-суть*?...» Он любил и острое выраженьице, и словцо такое хулиганское подпустить. Я говорю: «У Ленина вычитал». Кучеренко на меня так с жалостью смотрит: «Ну, Вы же не экстерном, как он, университет заканчиваете» ...Он никогда не мучил нас идеологией, хотя все мы и занимались у него общественной мыслью».

Г.С. участвовал в работе многочисленных ученых и научных советов и комиссий: он член Ученого совета ИВИ АН, докторского совета МГПИ им. В. И. Ленина, Научного совета по истории общественной мысли Секции президиума АН СССР, Научного совета по истории исторической науки Отделения истории, Бюро Международной комиссии по истории Французской революции при Международном комитете исторических наук,

¹³ Дочь Г. С. Кучеренко.

¹⁴ Из личного архива А. В. Чудинова.

Заместитель председателя секции по истории Французской революции Национального комитета историков СССР.

Группы, сектора, отделы, центры – административно-бюрократическая история ИВИ АН для стороннего наблюдателя темна и запутана. Сектора сливаются, разделяются, переименовываются, в их составе образуются группы, потом все это преобразуется в отделы, затем – центры и т.д. Г. С. Кучеренко руководил Группой по истории Франции, Группой по изучению Французской революции XVIII в. В январе 1986 его назначили сначала временно исполняющим обязанности, а с февраля просто исполняющим обязанности заведующего сектором истории культуры зарубежных стран. Окончательно Г.С. утвержден в этой должности 5 марта 1986 г. Группа по изучению истории Французской революции вошла в состав данного сектора.

Прошло 10 лет после истории с «опозданием» из Франции и оргвыводами, все вроде бы наладилось. И вдруг...

23 января 1987 г. новый приказ по Институту: откомандировать Кучеренко Г.С. в распоряжение МИД СССР для работы во Франции по линии ЮНЕСКО. Основанием послужил соответствующий запрос из Управления кадров МИД. Н. Ю. Плавинская: «Еще где-то в 70-е годы ему сделали формальное предложение войти в список потенциальных кандидатов на работу в представительстве МИДа. Эта инициатива шла через его старого товарища, видного дипломата Ю. Б. Кашлева. Геннадий Семенович согласился, его в резерв и включили, что позволило остаться «выездным» даже после печальной истории 1976 г.»

Поскольку Г.С. состоял в резерве, управление кадров МИДа СССР в мае 1986 г. приняло решение оформить его для работы в секретариате ЮНЕСКО на должности директора департамента. Судьба, казалось, улыбнулась, но ему от этого было что-то не весело...

Н. Ф. Кучеренко: «Когда уже все было сделано, когда ему уже предложили пост в ЮНЕСКО, он приходит и говорит: «Я понял, что зря мы с тобой это затеяли... Зря». На следующий день он пошел к куратору в ЦК КПСС отказываться от работы в ЮНЕСКО. «Приходит: «Надо ехать... Я сказал, что не могу ехать, а мне: «Кладите партийный билет. Посмотрим, что с Вами будет». Я предлагала ему сослаться на болезнь: у него была язва и его могли не пропустить по медицинским показаниям. «Нет, – говорит, – это уже нельзя делать. Надо тянуть». Он переживал свой отъезд даже в Париже». Об этом говорят и другие близко знавшие его люди. Н. Ю. Плавинская: «Он очень переживал по этому поводу. В тот момент ему было интересно работать, он почувствовал, что у него есть что-то свое. Ему не хотелось бросать аспирантов, свой, как он говорил, «выводок цыплят». Он говорил, что у него было такое ощущение, что он всех предаст за красивую жизнь во Франции... Одним из главных его человеческих качеств

была ответственность за тех, кого приручил. Он по-отцовски относился к своим аспирантам, любил своих учеников. К тому же он не хотел оставлять здесь дочь, которая была тогда в возрасте, требующем большего внимания. Однако отказываться уже было поздно. Так он и уехал с тяжелым сердцем, с каким-то надломом. Там ему было все не мило, хотя в это мало кто верил».

После отъезда Г.С. сектор возглавила В. И. Уколова, а Группу по изучению Французской революции, хотя юбилей-то еще и не отметили, по неким «высшим» соображениям распустили. Рассказывает А. В. Чудинов: «Кучеренко курировал празднование 200-летнего юбилея Французской революции по Институту. От АН за это отвечал А. Л. Нарочницкий, который, наверное, единственный из академиков имел работы об этой Революции. То есть они работали в тандеме. Может быть, даже Нарочницкий и рекомендовал Геннадия Семеновича на это направление. После отъезда Г.С. в Париж издание сборников, редактором, которых он был, стали тормозить. Лейтмотив претензий к ним, звучавших на Ученом совете: «Что, опять Кучеренко?! Как он может руководить из Франции?» По содержанию замечаний не было, так цеплялись к словам: «Что это тут за *фейхоа* и *пердюшен*?¹⁵» В качестве компромисса тогда приняли решение назначить в одном из сборников второго ответственного редактора – К. М. Андерсона, издание полгода «вылежалось» и потом уже легко прошло через Совет».

Ситуация усугубилась после скоропостижной кончины А. Л. Нарочницкого 14 июня 1989 г. Сразу же еще некоторые издания были отложены. А со сборником «Великая французская революция и Россия»¹⁶ и вовсе произошла почти детективная история. «Как это случилось непонятно. Сначала вышла версия на французском языке. А. Л. Нарочницкий там значился ответственным редактором, а Г. С. Кучеренко – членом редколлегии. Через четыре месяца появилась русская версия. Ее подписали в печать 13 июня – Нарочницкий еще был жив (он умер день спустя на рабочем месте), но в конечном варианте он уже был указан просто как член редколлегии, а Кучеренко вообще не упоминался. Ответственными же редакторами значились другие люди. Но сборник-то один и тот же!» (А. В. Чудинов).

Приехали Кучеренко во Францию 25 января 1987 г., а 27-го Геннадий Семенович уже вышел на работу. Сначала супругов поселили в гостиничном номере, через 2 недели подобрали трехкомнатную квартиру на 7-ом этаже, в центре города недалеко от Монпарнаса. Вскоре Нонне Федоровне

---

¹⁵ Кузьмичева Е. К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление исторической мысли испанского Просвещения // Европейское Просвещение и Французская революция XVIII в. М., 1988; Ростиславлев Д. А. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры (О некоторых особенностях газеты Ж. Р. Эбера «Пер Дюшен») // Там же.

¹⁶ La Révolution française et la Russie. Moscou, 1989 ; Великая французская революция и Россия. М., 1989.

пришлось уже 1 марта вернуться в Москву и выйти до июня на работу, чтобы не прерывался 20 летний трудовой стаж в Институте международного рабочего движения АН и была соответствующая пенсия.

Работа в секретариате ЮНЕСКО занимала почти все время. Н. Ф. Кучеренко: «Приезжал на работу в 9 утра, уходил в 7 вечера, а если предстоял «обмен мнениями», то и в 9. «Обмен мнениями» – сплошные разговоры. Бюрократия везде одинакова. Каждая конференция, каждое заседание, говорил он, одно краснбайство, работа в песок. Все эти доклады – переписка переписанного». Кроме того, что Г. С. Кучеренко работал собственно в ЮНЕСКО, он каждый день должен был ездить в посольство. То же и жена: то женская группа, то партийная группа, то какие-то там встречи, то какие-то коллективные просмотры фильмов. «Наши» люди все время должны были быть на виду. Особенно те, кто жил не на территории посольства, а в Париже. Нонна Федоровна вспоминает, как в начале 1990 г. они узнали, что недалеко от их дома открылась в Париже новая православная церковь, и решили посмотреть: «Пошли на Пасху. Стоим. В Париже с этим довольно сложно. Все эмигранты ходят в другую церковь – на рю Дарю. Так, вот. Стоим, служба идет. Вдруг Геннадий наклоняется ко мне и говорит: «За нами следят. Садимся в машину и едем на рю Дарю»... Мы и там постояли. Выходим. Гена говорит: «Знаешь, а *тот* человек – уже тут».

Вспоминает А. В. Гордон: «Геннадий Семенович мне рассказывал, что отрадой для него было то, что в выходные на машине он куда-нибудь уезжал. Меня еще удивило, что он сам водит машину. Для академического человека тогда это была редкость. А он любил быструю езду, в этих мини-путешествиях он отводил душу». Машину он научился водить только перед самой поездкой во Францию, да и в Париже еще ходил некоторое время в местную автошколу. Зато теперь водил машину так, что все завидовали: «Прямо как пилот!»

В. П. Смирнов: «Ему было там нелегко. Он мне это говорил... Я как-то его спросил: «Слушай, часто тебе приходится принимать гостей?» – «Чуть ли не каждую неделю из Москвы кто-то приезжает». Это был период интенсивного «командировочного» общения. Геннадий много кого встречал, провожал, принимал, развозил, развлекал, показывал, ходил с ними по Парижу и т.п.». В. П. Смирнов, видевший с Г. С. Кучеренко во Франции вспоминает о нем как о добром, гостеприимном, приветливом хозяине: «Я встретился с ним в Париже. Он там уже жил несколько лет. Водил нас с женой в Лувр. Показал несколько залов, проявил очень большую эрудицию. Был очень элегантно одет, веселый, жизнерадостный... В 1989 г. я его снова увидел в Париже, он был выше головы занят всеми этими приехавшими начальниками, которые думали, что раз они пост занимают, то с ними должны носиться как с писаной торбой, а он – один, у него ни аппарата, ничего нет. Он все делал спокойно, не раздражаясь. Я вообще не

помню, чтобы он раздражался. У него со всеми были хорошие отношения, он был лояльный человек, сдержанный, внимательный к людям, спокойный. Ну, может быть, он там где-то и раздражался, нервничал, но в разговорах старался изложить все тщательно, по порядку, по пунктам, обстоятельно».

Где было взять время еще и на научную работу? Но он умудрялся находить. Правда, огромную организационно-техническую помощь ему оказывала в этом жена. «Я у него была референтом, – вспоминает Нонна Федоровна, – Он мне давал задание, какие сделать ксерокопии, какие выписки, какие найти книги в Национальной библиотеке. Туда же я приносила ему и обед. Перерыв у них в департаменте два часа. Геннадий приезжал в Национальную библиотеку, и мы выходили в маленький садик напротив нее. Он быстро обедал, просматривал, что я сделала, давал новое задание, а потом поднимался в отдел рукописей и полтора часа работал». Он собирал материалы к новой книге – о Сен-Симоне.

В сентябре 1989 г. Г.С. стал дедушкой, дочь родила внучку Ольгу.

В 1990 г. Г. С. Кучеренко подал заявление об окончании своей миссии «по семейным обстоятельствам». Вскоре ему должно было исполниться 60 лет, и он боялся, что его не возьмут на работу в ИВИ. Напоследок он совершил еще один поразительный для 1990 г. поступок. «Нашим сотрудникам в ЮНЕСКО раньше полагалось получить зарплату и сдать ее в посольство, оставив себе лишь фиксированную часть. В 90-м году около 15 сотрудников посольства и ЮНЕСКО не стали сдавать деньги в посольство, а все оставили на личных счетах. У Геннадия Семеновича за 4 года накопились «пенсионные», но все деньги отдал в посольство».

Сотрудник Секретариата ЮНЕСКО Кучеренко Г. С. с 8 октября 1990 г. считался возвратившимся в СССР и находящимся в отпуске до 10 декабря 1990 г. С 11 декабря он считался уже освобожденным от работы в ЮНЕСКО. Г.С. не стал догуливать отпуск, сразу же приступил к работе в Институте всеобщей истории в должности ведущего научного сотрудника.

«Когда в 1987 г. мы уезжали, – вспоминает Н. Ф. Кучеренко, в последний вечер мы прощались с Красной площадью, с памятником Пушкину, у которого начинались наши свидания. В городе темнота, по улице Горького страшно идти. В магазине – одна горчица». Когда Г.С. вернулся из Франции, все было уже другое, страна другая. Нельзя сказать, что он совсем ничего не знал о жизни в Союзе конца 80-х. В 1988 г. когда он приехал на свадьбу дочери, ему пришлось с женой ездить в магазин и по знакомству доставать подсолнечное масло: «Пока масло в канистру наливали, у магазина очередь. Выйдешь с канистрой масла – убьют. Уходили через черный ход».

В новом СССР ему предстояло найти себя заново. Рассказывает Н. Ф. Кучеренко: «Когда мы приехали, он все разбирался в жизни, и никак

не мог разобраться. Он покупал вороха газет и пытался понять, что происходит в стране. Он не мог понять, как дальше жить. После возвращения из Франции я надеялась, что он с головой уйдет в работу в библиотеках. Но он сидел целыми днями дома, в библиотеку ходил неохотно. Были дни – вообще никуда не выходил. Сидел у себя в комнате. Слушал и смотрел телевизор. Злой временами был – страшно». Но волна общественного интереса к политике тогда уже понемногу стала спадать, Г.С. приступил к «трапезе», когда многие уже насытились. «К моменту его возвращения, – рассказывает А. В. Чудинов, – от политики уже немного устали. Во Франции он был оторван от подробностей российской политической жизни. Теперь наверстывал, с увлечением слушал репортажи с сессий Верховного Совета. На работе пытался обмениваться мнениями с коллегами, которые уже эти сессии и смотреть перестали. Он часто пытался пересказывать мне телевизионные новости, делился своим мнением. Нюансы политики его еще сильно волновали, в то время как все уже несколько успокоилось. И было поэтому несколько удивительно слушать его. Мало ли какой депутат чего скажет, а его все это задевало за живое».

В воспоминаниях о Г. С. Кучеренко, касающихся совсем недавнего времени – 90-х, больше противоречий, чем в воспоминаниях о более отдаленных годах. Кажется, что люди, высказывая свое мнение о близком им человеке, невольно оттачивают формулировки собственного отношения к происшедшему со страной. Любя или просто симпатизируя Г. С. Кучеренко, мы интуитивно стараемся обратить внимание на те его черты, которые близки нашему пониманию хорошего, невольно думаем, что он видел все так же, как видим теперь и мы.

В целом он принял перемены. Но то в целом. Вспоминает В. П. Смирнов: «У него было противоречивое чувство: с одной стороны громадный результат – политическая свобода, гласность и т.п., с другой – резкое падение жизненного уровня, обнищание населения, потеря Россией роли великой державы».

Н. Ю. Плавинская: «Геннадий Семенович всю жизнь занимался историей идей, но он не стал идеалистом, скорее он был рационалист, в известном смысле слова прагматик. Ему вновь захотелось преподавать. Но ситуация в МГПИ, где он преподавал раньше, уже изменилась. Пошел в РГГУ. Когда он уезжал во Францию, еще никто из его аспирантов не защитил диссертацию. Когда же он вернулся, то уже с некоторой грустью смотрел на то, что кандидатские состоялись в его отсутствие, но при этом и гордился: «Мальчики заматерели!».

А. В. Гордон: «Гена даже не то, чтобы расслабился, а... что-то он скинул с себя, чувствовалось, что ему удалось раскрепоститься. Вот этого раньше у него никогда не было. Свободным он почувствовал себя уже в ельцинские годы».

1991 год был отмечен для семьи Кучеренко чередой потерь: один за другим умерли мать Нонны Федоровны, отец Геннадия Семеновича, трагически погиб его брат Валерий.

В науке Г.С. мучительно долго искал себе новое направление: юбилей Французской революции прошел, а заниматься утопическим социализмом в то время казалось утопией. В 1991 г. Г. С. Кучеренко возглавил Общество по изучению XVIII в., начинает заниматься русско-французскими культурными связями Века Просвещения. Когда К. М. Андерсон предложил идею создания «Исторического лексикона», то решили, что главным редактором будет Г. С. Кучеренко. Последнего идея очень увлекала. В результате он написал для «Исторического лексикона» очерк о Людовике XVI. «Но потом начались трения с издательством «Знание». Издатели стали заказывать авторам статьи через головы членов редколлегии. Г.С. был очень обижен, огорчен этим. Он попросил снять его имя из списка редакторов сборника. Потом он загорелся идеей возобновить периодическое издание архивных документов, наподобие дореволюционных сборников Русского исторического общества. Стал работать с архивами, увлекся изучением русских переводов Гельвеция. Было такое впечатление, что человек заново жить начал. Он был настолько увлечен, просто «горел». Он радовался, что работает в архивах, что может писать, он как бы снова нашел себя. Было такое впечатление, как будто у него все только начинается» (А. В. Чудинов).

Когда вернулся после работы в ЮНЕСКО, вспоминает Нонна Федоровна, то он стал получать много приглашений – в Израиль, в Швецию, в Испанию. Но он отказывался ездить за счет принимающей стороны: «Когда у меня будут свои деньги, я сам стану ездить» У него было развито чувство собственного внутреннего достоинства. «Вот это наше раболепие, самоедство – гнать их надо, – говорил Геннадий. – Гнать надо разные «мнения»: Таня сказала, Маня указала. Живи как свободная личность! Хочешь, что-то делать? Делай, но не обижай и не мешай при этом другому». Он часто это говорил».

Он тяжело переживал из-за того, что происходило в стране, рассказывает Н. Ф. Кучеренко. Будучи «южанином» не мог поначалу понять, почему люди в Центральной России живут так плохо. Грязно и пьяно. Он очень радовался улучшениям: «Я понял: раньше Россию зажимали, и у народа была отрыжка: раз *вы* так, то и *мы* так, будем жить и ничего не делать». Он говорил: «Через Тверь я прочувствовал русских. «Центральных» русских». Ему хотелось быть казаком, возможно в этом сказывались корни его отца. Г.С. как-то сказал: «Если будет у меня такая свобода жизни, то я, может быть, буду носить одежду казака. Вот захочу, и буду». Не довелось. Его нельзя назвать «русофилом», но он был патриотом. Даже в отношении женщин: «Вот, весь мир восхищается француженками, а, что в них? По-

настоящему красивых не так уж и много. Но все они – Женщины. Каждая подает себя так, как будто подобной больше нет. Королева. Вот это нужно в себе воспитывать, а не топтать себя».

У него не было какого-то оригинального хобби. Он любил книги. Покупал на последние деньги. И в России, и за границей. Большая часть библиотеки, бумаги, сгорели в 1991 г. вместе с их дачей, где Г. С. Кучеренко любил работать. Любимый писатель – Бунин, любил также Пастернака. Обожал Ахматову. Очень любил прогулки и путешествия, будь то Торжок, Тверь, или Ленинград. «Мекка» супругов Кучеренко – церковь Покрова на Нерли, где они бывали неоднократно. Любил бывать в гостях на даче у своего ученика И. Н. Кузнецова в Валентиновке. Или просто открывать для себя «уголки Москвы».

Г. С. Кучеренко ждал учеников своих учеников (как дедушка внуков) и переживал по этому поводу. Для него было важно, чтобы сохранилась преемственность. Очень хотел, чтобы его бывшие аспиранты, несмотря ни на что, побыстрее защитили докторские, а их ученики, в свою очередь, – кандидатские. Он вообще любил общаться со своими «кучерятами», как порой называли его учеников. Н.Ю. Плавинская рассказывает: «До его отъезда во Францию мы часто гуляли. Выходили из Института все вместе и просто гуляли часами, разговаривали. Специально ездили за французскими батонами, бродили по улицам и жевали». Нам это может показаться не слишком романтичным и даже вредным для желудка, но ведь мы-то с ними не ходили...

Геннадий Семенович остался молод душой. Н. Ю. Плавинская: «Он любил общаться со студентами. Его отношения со студентами складывались легче, чем отношения с коллегами ровесниками». Н. Ф. Кучеренко: «Студенты любили его. Выпускной курс альбом подарил со стихами, которые заканчиваются так: «Спасибо Вам, что Вы такой!» Гуляли вместе, провожали до подъезда. Он с ними наравне. Толпа ходила! Большинство, конечно, девчонки. Звонили...»

Г.С. был очень легок на подъем. «С. Карп как-то предложил поехать кататься на лошадях. Кучеренко тут же: «Поехали!» И поехали на ипподром. Первый и единственный раз в жизни взгромоздились на лошадей. Получили громадное удовольствие. Геннадий Семенович был готов к таким сумасбродствам» (Н. Ю. Плавинская).

Он не любил формальность, фальшь. Мог говорить с человеком, который фальшив и неискренен, но чувствовал это и очень тонко, незаметно для тех, кто его плохо знает, иронизировал над ним.

Г. С. Кучеренко «дал путевку» в жизнь нескольким темам по истории общественной мысли. Он ставил проблемы, генерировал идеи, не всегда успевая развить их до конца. В. П. Смирнов: «Если говорить о его роли в науке, то я думаю, что, во-первых, он был одним из немногих людей, обес-

печивающих уровень нашей науки по некоторым направлениям, и еще бóльшую он играл организаторскую роль...»

Он дописывал статью о русских переводах Гельвеция. 25 февраля 1997 г. поставил последнюю точку. 26-го утром участвовал в заседании Ученого совета ИВИ, а во второй половине дня во время лекции в РГГУ стало плохо с сердцем. Вечером он оказался в реанимации. Н. Ф. Кучеренко: «Не часто болел. Лекарства не любил. Ежедневно делал зарядку, обливался холодной водой. Но вот ему всю жизнь врачи говорили, что у него здоровое сердце, а вышло, видите, как...»

Из больницы Г.С. пишет жене записочку: «Перешли статью. Прорвемся. Все будет хорошо. Всем приветы». 2 марта рано утром еще записочка: «Сегодня впервые не болело сердце. Выкарабкаемся. Я тебя так люблю, что не могу оставить одну». Когда в десять минут одиннадцатого он умер, его часы остановились. Говорят, что так бывает...